

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

О ЯЗЫКѢ И СЛОВЕСНОСТИ.

I.

О ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

МѢСТО ПРЕДСЛОВІЯ.

Участіе уже довольно многихъ изыскателей, особенно со времени Карамзина и Востокова, содѣйствовало къ объясненію памятниковъ древняго Русскаго языка; но общіе выводы о немъ, о соотношеніи языка памятниковъ съ языкомъ народа того самаго времени, когда они писаны, еще не достигли желаемой твердости и несомнѣнности. Рядомъ, а иногда и нераздѣльно вѣстѣ, со строго-учеными наблюденіями встрѣчаются и предположенія, не строго выведенныя изъ наблюденій, и не побѣждена еще возможность рѣшать самыя важныя вопросы совершенно произвольно, такъ сказать эклектически, выбирая изъ высказаннаго другими только то, что случайно нравится, и отвергая безъ доказательствъ то, что не нравится. Все это тѣмъ болѣе возможно, что точное опредѣленіе принадлежностей древняго Русскаго языка, дѣйствительно, очень трудно — и по множеству памятниковъ, и по смѣшенію въ нихъ элементовъ народныхъ и ненародныхъ, не всегда рѣзко противоположныхъ.

Истор. Читен. (1856)

Такое положеніе науки нашей относительно языка древнихъ памятниковъ Русской письменности, заставляетъ желать всякаго, кто съ любовію занимается изученіемъ отечественной древности, чтобы выводы о древнемъ нашемъ языкѣ книжномъ и народномъ были высказываемы отдѣльно отъ разбора памятниковъ, сводными положеніями, разумѣется, съ подведеніемъ доказательствъ. Каждое соображеніе, совѣстливо высказанное изслѣдователемъ, знакомымъ близко съ дѣломъ, должно непременно пролить свѣтъ, пробудить мысль, а вмѣстѣ и трудъ, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, чѣмъ менѣе подчинено условіямъ эклектизма.

Признавая нужду общихъ соображеній о языкѣ древнихъ памятниковъ Русской письменности, Второе Отдѣленіе Академіи всегда съ радостію давало имъ мѣсто въ своихъ чтеніяхъ. Къ числу очень замѣчательныхъ записокъ въ этомъ родѣ принадлежитъ та, которая получена Отдѣленіемъ нынѣ отъ его достойнѣйшаго сочлена М. П. Погодина, оказавшаго уже столько услугъ возбужденіемъ мыслей о самыхъ важныхъ предметахъ древностей Русскихъ: она возбудитъ, конечно, и мысль и трудъ.

Будучи изложена отчасти въ формѣ замѣчаній на то, что высказано было въ «Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка», записка М. П. Погодина опровергаетъ нѣкоторые выводы, а другіе самостоятельно поддерживаетъ новыми доказательствами. Чтобы яснѣе видно было, какъ именно отличныя понятія высказанныя М. П. Погодинымъ отъ того, что доказывалось въ «Мысляхъ», здѣсь представляется краткій перечень убѣжденій, высказанныхъ въ этой книгѣ.

1. Древній народный Русскій языкъ отличался отъ древняго Церковно-Славянскаго очень немногими особенностями употребленія звуковъ и грамматическихъ формъ.

— *Звуковъ*. Въ древнемъ Русскомъ не было носовыхъ гласныхъ: — *у, ю, я* замѣняли Ц.-Слав. *ъ, ѣ, ѡ, ѣ* (*дубъ, вѣтю, мясо, агниа*).— Глухіе звуки *ѣ* и *ѡ* при соединеніи съ *р* и *л* произносились почти исключительно передъ этими гласными, а не послѣ (*гърдь, вѣрхъ, шлкъ, мѣртъвъ*).— *о* въ началѣ словъ стояло тамъ, гдѣ въ Ц.-Слав. было *к* (*осень, осетръ*).— *оро, ере, оло* господствовали вмѣсто Ц.-Слав. *ра, рь, ла, ль* (*здоровъ, береза, володимеръ, полонъ*), впрочемъ неисключительно. — Звуковъ согласныхъ среднихъ (въ родѣ западнаго Европейскаго *l*) не было, и потому слоги твердые не смѣшались съ мягкими; а въ слѣдствіе этого между прочимъ и глухіе гласные звуки *ѣ* и *ѡ* правильно отличались ^{*)}. Звуки *з, ц, с* выговаривались и твердо и мягко (*заяць, зять*), и потому правильно соединялись съ гласными (*кнѣзѣ, кнѣзѣа, кнѣзѣю, а не кнѣзѣу*). Производные звуки Ц.-Слав. *жд* и *шт* выговаривались или навыворотъ какъ *тш = ч, дж = жс*, или троезвучно, какъ *штш, ждж = жч* (*ночь, дажь, дѣжч*); и проч.

— *Грамматическихъ формъ*: — Въ склоненіи прилагательныхъ и причастій опредѣленныхъ употребительна была мѣстоименная форма (*великого, чужего*), впрочемъ неисключительно. — Причастіе дѣйствительное настоящее въ первообразныхъ глаголахъ оканчивалось въ имен. пад. муж. рода

---

^{*)} Памятники, подобные Грамотѣ 1228 г. или Грамотѣ Варлаама наводятъ мысль на вліяніе иностранное, которое могло сдѣлаться обычнымъ кое гдѣ для кое кого, въ томъ родѣ напр. какъ у Сербскихъ монаховъ вошло въ обычай произносить нѣкоторые звуки совершенно иначе, чѣмъ произносить народъ.

болѣе на *а*, тогда какъ въ Ц.-Слав. только на *ъ* (жива, мого). — Третье лице изъяв. наклоненія въ един. и во множ. числѣ оканчивалось и въ прошед. врем. на *тъ* (дондѣтъ, прославить, купцѣтъ, дѣшеть, блухуть). — Глаголь существ. въ настоящ. времени изъяв. накл. могъ пропускаться, особенно въ третьемъ лицѣ един. числа; отъ этого образовались особенныя отличныя формы предложеній (пономѣтъ пѣти вседеннага, начати сѣ той пѣсни по бывнама); и пр. Важнѣйшіе признаки опредѣленности грамматическаго строя принадлежали древнему Русскому и древнему Церковно-Славянскому одинаково. Таковы: 1) нарещеніе въ склоненіи, 2) отличеніе склоненія неопредѣленнаго и опредѣленнаго, 3) двѣ формы неопредѣленнаго наклоненія, 4) двѣ формы прошедшаго простаго, 5) различныя сложныя формы времени изъявительнаго наклоненія, 6) особенныя формы для разныхъ лицъ повелительнаго наклоненія, 7) двойственное число въ склоненіи и въ спряженіи, 8) употребленіе мѣстнаго падежа и безъ предлога (Кыквѣтъ, лѣтъ), 9) дательный самостоятельный (Володимеру княжѣцю, солнцю выходяцю); и пр.

2. Съ такимъ богатствомъ строя оставался Русскій народный языкъ до XIV вѣка, впрочемъ не неподвижно, все болѣе удаляясь отъ первобытной правильности употребленія формъ; XIII—XIV вѣкъ былъ и для него, какъ для нѣкоторыхъ Западно-Славянскихъ нарѣчій временемъ рѣшительнаго перехода къ иному строю, выказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI вѣкѣ. Это время — XIII-XIV вѣкъ — было и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, Великорусскаго и Малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльных, Нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень

рано (напр. употребленіе ч вм. ц и ц вм. ч : ручѣ, отцю, цинь, цѣстьтъ, — смѣшеніе у и е : вдобѣ, оуспать и т. п.); но только говорювъ, а не нарѣчій. Повсюдныя отклоненія отъ древняго строя языка, сравнительно съ мѣстными отклоненіями, выражали себя яснѣе. Между такими отклоненіями замѣчаемъ нѣкоторыя грамматическія довольно важныя; напр. 1. Смѣшеніе звательнаго падежа съ именительнымъ (зри, братъ, отцы наю). 2. Употребленіе формы имен. падежа для винит. въ сущ. жен. рода (взати гривна, дати порука). 3. Употребленіе дѣепричастія (кнызю продажѣ въ челядинѣ или украдѣше, вывести кму послухъ передъ кымъ купивѣше). 4. Употребленіе сложныхъ временъ вмѣсто простыхъ и между прочимъ сокращенно, т. е. съ пропускомъ существ. глагола *ксть* (за тотъ миръ страдалъ, изъ далъ) и пр.; Нельзя сказать, навѣрно, когда именно какая форма древняя замѣнилась у насъ новою *навсегда*, *исключительно*, какъ нельзя напр. сказать, когда именно въ Германскихъ языкахъ введенъ членъ или когда именно въ Сербскомъ смѣшались въ одно дательный, творительный и предложный множ. числа, когда именно въ Чешскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ стали выговаривать мягкій *р* (*рь*) шепеляво; но изъ того, что употреблялась уже новая форма, еще не слѣдуетъ заключать, что формы древней уже не было, какъ не слѣдуетъ заключать, что Сербъ, говоря теперъ *био сам* (былъ ксьмъ), уже не говоритъ *бих* и *бихъ* (быхъ, бѣыхъ). Смѣшеніе формъ отживающихъ вѣкъ съ начинающими жизнь есть принадлежность переходнаго состоянія языка такъ же, какъ и всего другаго: для нашего Русскаго языка это переходное время выразилось рѣзкими чертами въ XIII—XIV в., и болѣе для всего языка, чѣмъ по нарѣчіямъ мѣстнымъ.

3. Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ сомнѣнія, всегда, но въ X-XIV вѣкѣ отличія одного отъ другаго у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Отъ близости строя Русскаго народнаго языка съ языкомъ книгъ Церковно-Славянскихъ, къ намъ занесенныхъ, зависѣло то, что сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ нашей письменности, элементы Старославянскій книжный и Русскій народный, языкъ этихъ произведеній сохранялъ правильную стройность всегда, когда вѣстѣ съ элементомъ Старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ Греческій, Византійскіе обороты рѣчи, Византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій ихъ былъ не чужестранецъ, неумѣвшій выражаться правильно по Славянски. Прочное начало образованію книжнаго Русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII — XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV — XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять.

Эти положенія доказываются :

1. Сравнительнымъ изученіемъ Славянскихъ нарѣчій, изъ которыхъ всякое пережило, такъ или иначе, свой вѣкъ перехода отъ древняго строя къ новому. Важнѣе всего, разумѣется, тѣ нарѣчія, по которымъ есть и памятники древніе. Таково нарѣчіе Чешское. (Въ Приложеніяхъ къ «Мыслямъ» представле-

ны отрывки изъ памятниковъ Западно-Славянскихъ съ указаніями постепеннаго увеличенія отклоненій отъ древняго строя.)

2. Памятниками книжнаго Старо-Славянскаго языка, переписанными на Руси въ XI—XIV в. Писцы, переписывая, отступали отъ подлинника и съ намѣреніемъ и нечаянно, — въ томъ и другомъ случаѣ выражая свой Русскій элементъ (на это обратилъ вниманіе А. Х. Востоковъ уже давно).

3. Памятниками народнаго Русскаго языка XII—XIV вѣка, на которыхъ или совсѣмъ или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное. Въ однихъ изъ нихъ заключаются постановленія и распоряженія, — и потому господствуетъ наклоненіе повелительное и условныя времена изъявительнаго; въ другихъ передаются воспоминанія о прошедшемъ, — и потому господствуютъ прошедшія времена изъявительнаго. Отсюда кажущаяся разница языка тѣхъ и другихъ. (Въ Приложеніяхъ къ «Мыслямъ» представленъ разборъ важнѣйшихъ Русскихъ памятниковъ XII—XIV вѣка, съ указаніемъ особенностей строя народнаго языка).

4. Новымъ народнымъ языкомъ съ его мѣстными видоизмѣненіями. Онъ сохранилъ доселѣ по мѣстамъ довольно много остатковъ древности, и вмѣстѣ съ тѣмъ чертами своего развитія на нарѣчія и говоры, если разсматривать ихъ сравнительно, даетъ ясное понятіе о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде, до развитія своего.

Эти источники могутъ, вѣроятно, привести изслѣдователя и не къ тѣмъ выводамъ, которые высказаны въ «Мысляхъ»; но ранѣе или позже приведутъ и къ истинѣ.

ЗАПISKA O ДРЕВНЕМЪ ЯЗЫКЪ РУССКОМЪ.

М. П. Погодина.

—
I.

(Письмо къ И. И. Срезневскому).

Вы заставили меня измѣнить монимъ князьямъ на цѣлой вечеръ, (такъ начиналъ я, занятый біографическимъ словаремъ удѣльныхъ князей, настоящее письмо свое къ вамъ еще въ 1853 г.): увидѣвъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Отдѣленія ваше изслѣдованіе о Новгородскихъ лѣтописяхъ, я вздумалъ напечатать свою рецензію, написанную вскорѣ послѣ ихъ изданія Археографической Коммиссіей, еще въ 1844 году, но остававшуюся до сихъ поръ въ моихъ бумагахъ по особымъ обстоятельствамъ, о коихъ рѣчь впереди. Съ этой цѣлю, я, послѣ вашихъ двухъ статей, принялся за чтеніе разсужденія г. Лавровскаго, по поводу котораго вы ихъ писали, а г. Лавровскій въ свою очередь привелъ меня къ вашимъ «Мыслямъ объ Исторіи Русскаго языка,» которыхъ, занятый исключительно удѣльнымъ періодомъ, я еще не читалъ, предоставляя себѣ это назидательное удовольствіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, по окончаніи моего труда. Тамъ, къ удивленію своему, нашелъ я одно новое положеніе, которое совершенно меня взволновало, — положеніе, вполне согласное съ моими замѣчаніями, но *выведенное другими средствами и обращенное совершенно къ другой цѣли.* Вечерняя измѣна увеличилась до новыхъ сутокъ, и я рѣшился передать вамъ немедля свои мысли,

тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, когда филологія наша оживотворилась дѣятельностью и трудами Академіи, эти мысли скорѣе и успѣшнѣе могутъ быть подвергнуты суду, и получить себѣ утверженіе или осужденіе.

(Между тѣмъ этотъ прииѣръ оправдываетъ отчасти мое воздержаніе отъ постороннихъ занятій, въ коемъ теверь, увлеченный занимательностію предмета, дѣлаю исключеніе).

Передамъ вамъ весь ходъ мыслей, въ нихъ послѣдовательности, какъ въ новожъ случаѣ, по новоду вашихъ разсужденій, такъ и въ прежнемъ, при моемъ размышленіи объ языкѣ лѣтописей.

Въ разсужденіи г. Лавровскаго меня поразило слѣдующее мѣсто :

Мнѣніе «что письменный языкъ Русскій въ древнее время былъ Церковно-Славянскій, что *народный языкъ не могъ быть такимъ, какимъ встрѣчаемъ его въ памятникахъ и духовныхъ и свѣтскихъ до XIII вѣка, уже опровергнуто, какъ не имѣющее основанія*. Если народный языкъ, въ эпоху значительнаго уклоненія отъ Церковно-Славянскаго, прорывался неоднократно своими особенностями въ памятникахъ Церковно-Славянскихъ, за чистотой языка которыхъ постоянно сторожило духовенство Русское, то тѣмъ легче, тѣмъ естественнѣе, и тѣмъ несравненно въ большемъ количествѣ должны были отразиться особенности южно-Русскаго варѣчія въ произведеніяхъ свѣтскихъ, писанныхъ верѣдко рукою мірянъ, излагающихъ событія, заимствованныя часто изъ жизни чисто-народной. Но ихъ (особенностей южно-Русскихъ) не видно въ этихъ произведеніяхъ, значить, ихъ не было еще и въ языкѣ; когда же появились онѣ въ послѣднемъ, то неизбежно стали выказываться и въ письменности.»

Истор. Читен. (1836)

2

При этих словах г. Лавровскій ссылается на ваше изслѣдованіе, въ Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка, гдѣ прочелъ (с. 95) я слѣдующее: «Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же, какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ летописей и языкъ администраціи *былъ одинъ и тотъ же*, до того что и слово Луки Жидята, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Данила Заточника, и Слово о Полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Новгородскаго, *нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчій не Русскомъ, а Старославянскомъ*. Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ не могъ бы не показать себѣ *хоть когдѣ своимъ особенностямъ* — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народныя языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ.»

То есть — вы утверждаете, что языкъ народный съ языкомъ письменнымъ въ это время былъ одинъ и тотъ же, и что въ немъ не было ничего Малороссійскаго или Галицкаго.

Это положеніе есть совершенно новое, никогда никѣмъ у насъ прежде не сказанное, и я удивился, какимъ образомъ оно произвело оно волненія въ нашѣмъ литературномъ и ученомъ мѣрѣ въ минуту своего произнесенія; я удивился, какимъ образомъ всѣ наши профессеры Русской словесности и Славянскихъ нарѣчій не сочли своей обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное. Въ жур-

нальной критикѣ, съ кѣсѣ я тотчасъ справился, не напелъ я ни одного отзыва: нашихъ міросозерцателямъ видно не до Русскаго языка!

Вы дѣлаете заключеніе изъ второй части вашего наблюденія: если въ языкѣ не прижѣчается ничего Малороссійскаго, слѣдовательно его я не было, а произошло оно, Малороссійское, уже впоследствии, начиная съ XIV вѣка.

Вотъ ваши мысли!

Теперь приступаю я къ изложенію моего мнѣнія, какъ оно составилось, въ продолженіи моихъ изслѣдованій и размышленій, независимо отъ посторонняго вліянія.

Въ 1839 году въ заключеніи своего изслѣдованія о лѣтописи Нестора я сказалъ, что изслѣдованіе объ его языкѣ предоставляю филологамъ.

Прошло много лѣтъ, но на этотъ вопросъ никто не обращалъ вниманія. Между тѣмъ, начавъ приведеніе въ порядокъ своихъ изслѣдованій объ удѣльномъ періодѣ, я принялся, послѣ Несторовой лѣтописи, за Кіевскую.

Мнѣніе мое объ ея языкѣ, какъ и объ языкѣ Нестора, было—извѣстно читателямъ—слѣдующее: Это языкъ церковный, для лѣтописателей чужой и мертвый, хотя родственный и понятный, употреблявшійся ими съ голоса, подобно употребленію Латыни на Западѣ *).

По существу своихъ работъ, долженъ былъ я также выучить Кіевскую лѣтопись почти наизусть, какъ Несторову. Чѣмъ дольше я занимался ею, тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ къ Нестору съ этой мыслию, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ, хотя

---

* См. въ Изслѣдованіяхъ. Т. III, с. 355 и проч.

прежде, подъ влияніемъ другаго предубѣжденія, я отзывался иначе^{*)}.

Я началъ отмѣчать на поляхъ у себя слова и обороты, явно не-Малороссійскіе и вмѣстѣ не-Церковные, и вскорѣ ихъ накопилось столько, что нельзя было быть не поражену ихъ совокупностію.

Мысль моя пошла слѣдующимъ путемъ—не строгой филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета.

Я разсуждалъ такъ:— Употребляя языкъ чужой, нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: Малороссіанинъ долженъ проговариваться подчасъ по-Малороссійски, Великороссіанинъ по-Великороссійски, Бѣлорусецъ по-Бѣлорусски, Сербъ по-Сербски, и т. д.

Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіане, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обрвали тамъ-самъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія?

А между тѣмъ въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей.

Еще болѣе— слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату, сапоги, лапти, а не чоботы, — квась, медъ, жито, и т. п.

---

^{*)} Тамъ же, с. 357.

Вѣрно, лѣтописи принадлежать не Малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно и племя другое жило въ Кіевѣ, а не Малороссіи.* Вотъ каковъ заключеніе представлялось мнѣ естественно

Выпишу нѣсколько словъ и выраженій для примѣра, на выдержку, изъ лѣтописи Несторовой и Кіевской, отъ 862 до 1200 года.

Сывая безчисленное множество народа, П. С. Р. Л. с. 54.

Егда же *подпьяжутся*, начьнахуть ронгати на князь... *зло есть нашимъ головамъ*: да намъ ясти деревянными лѣжканицами, а не серебряными. Се *слышавъ* Володимерь, повелѣ искovati и проч. с. 54.

Видиши ли, колко ся мнѣ *склочи*? с. 86.

Бысть Юаннъ... *молчалъ*. с. 89.

Всеволодъ бѣ *надѣтьска боголюбивъ*. с. 92.

Володимерь... нача *размышляти*. с. 93.

Не бѣ *лзъ* *скрастися* въ градъ. с. 94.

Баше пришегъ Славята... къ Володимеру отъ Святополка на нѣкое *орудь*, с. 97. (Выраженіе самое употребительное).

Несуть *рогно*. с. 109.

Уловъ *уловивъ*. с. 111.

Да *поправимъ* сего зла, ... оже *вверже* въ ны ножь; ... да аще сего не *правимъ*, то большее зло *встанеть* въ насъ; и начнетъ братъ брата *закалати*, и *погибнетъ* земля Русская, и врази наши Половци *пришедше* *возмутъ* землю Русскую. *iv*.

Володимерь — *роплакався*. с. 112.

Ты суть *намолемли* на Давыда. с. 113.

Поча выти *волчьскы*. с. 115.

Мы *мзнемогемъ* *глагомъ*. *iv*.

Подъ *павузу*. *ib.*

Не сдравлю. с. 118.

Половци *присунушася* къ Баручю. СРЛ. II, с. 10.

Мстиславъ... *остави* княженіе. с. 12.

Всеволодъ не хотя того, оже ся братья совокушля въ *едину мысль*, посла къ Давидовичема рка има: отступита вы отъ брату моею; азъ ваю *надлю*. с. 19.

Вячеславъ *смоляся* съ Всеволодомъ. *ib.*

Не любяхуть сего Олговичи, и поропташа нанъ (на Всеволода), оже любовь *имъеть* съ Мстиславичи... и *осажалъ* ими около, а намъ на безголовіе и безъмъстіе и собъ. *ib.*

Оже на умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животъ *помогу* ти про Кіевъ. с. 20.

За трудъ. *ib.*

Сыну, *тако ти и горадо, готовъ буди*, напередъ иди, доспѣй же на путь. с. 31.

Того вы брать мой не *велѣлъ*. с. 33.

То мнѣ есть *порока* всякаго отъ людей не уйти, тѣмъ есть речи: Изяславъ *велѣлъ* убити. с. 35.

Доколѣ ся рѣки *установятъ*. с. 36.

Ледъ *милъ*. с. 37.

Дятъръ *росломиваетъ*. *ib.* *Рушися* Дятъръ. *ib.*

Рече Володимерь послу Изяславу: *пойди вонъ*.

Рече Володимерь: того брать мой не *велѣлъ*. Се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пршелъ, оже отецъ ты *пріобидилъ* и волости ти не далъ; азъ же ты *пріялъ* въ правду, яко достойного брата своего, и волость ти *есмь* далъ, яко ни отецъ того *вдалъ*, что я *тебѣ* *вдалъ*, и еще есмь и Руской земли *приказалъ* стеречи тобѣ, с. 39.

Въ правду ли идеши на Изяслава? Гюрги же рече ему: како хочу не въ правду ити? Сыновець мой Изяславъ, на мя пришедь, волость мою повоевалъ и пожегъ, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не дасть, и соромъ на мя возложилъ; а любо соромъ сложию, и земли своей мщю, любо честь свою нагъзу, паки ли а голову свою сложию. Изяславъ же посолъ пріѣха у Кіевъ, повѣда ему Святославу рѣчь, и что ему Володимиръ сказалъ. Изяславъ же слышавъ, и не устрипа, но посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: брате, хрестъ еси честный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложилъ и товары его; нынѣ же, брате, сего ли дозрѣвъ, то поминашаши, оже стрій мой на мя ратью идеть? Нынѣ же чи хресту честному управити, яко же еси цѣловалъ; буди со мною, — не хочени ли быти со мною, а ты уже хрестное чѣлованіе переступилъ; а азъ есмь безъ тебе и на Волгу ходилъ, а цѣ ми что было? а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестная сила ^{*)}). с. 42.

Сыновець вѣю Изяславъ... передъ вами не творителъ правъ, но *кланяется и милости ваю хочеть*; азъ же не простъ есмь *ходатай* межъ вами. с. 48.

К. Вячеславъ... *потыкнуся* къ ряду и къ любви: бяшетъ бо К. Вячеславъ *незлюбивъ* сердцемъ, поминая писаніе, и пр. ів.

Въ утрій день, по *зорямъ*, с. 51.

Язъ, брате, тѣмъ не труденъ есмь... *радъ, пду*. с. 53.

Рѣки ся *смерзываютъ*. ів.

Язъ не могу на Изяслава одинъ поити; Изяславъ вчера

---

^{*)} Эту длинную выписку, равно какъ и другую (со с. 145) я сдѣлалъ съ особымъ нацѣреніемъ, о которомъ см. ниже.

со мною хотѣлъ ся бити, на вашего отца ядя, а на мя ся *оборачивая*, лоя ся бити со мною. с. 56.

Будевѣ сеѣ весны вѣ *порозна*. с. 58.

Ать вся *видимъ по мьсту*, што ны Богъ *лємьт*. ів.

Конь нача *соватися* подъ нимъ. с. 63.

Володимеръ... лежа творяся акы *извємогая* съ ранъ, но *ранъ на немъ не было*. с. 69.

Приде вѣсть къ Ростиславу: Глѣбъ Дюргевичъ съ *множествомъ* Половецъ идеть къ Переяславлю. с. 75.

Святославъ Ростиславичъ, отправадя Половци. ів.

Си ночи былъ *весель* съ своею дружиною и *шелъ спать здоровъ*. ів.

Всеволодовичъ река: *избезумился* есмь. с. 77.

Яша коня за *поводъ*. с. 104.

Андрей князь *толкъ умникъ* сый. с. 109.

Половци яшася *бѣгу опять* своею *дороюю*. с. 122.

Они же *надотавше* надъ берегъ. ів.

Бѣ рѣка *бережиста*. с. 123.

Святославъ *не любя* на свою братью. с. 127.

Узрѣша Половци *помочныя* полкы. с. 128.

Половци *оборотилися* противу Рускимъ княземъ. ів.

Поганы естъ *всмиъ* нашъ *обычій* врагъ. с. 129.

Бшася *крѣпко* ту *днину*. с. 131.

Возльше на заборолѣ. с. 132.

Опоздишася. с. 133.

Рюрикъ поча *слати*, *понуживая* его. с. 134.

Аже кто *раздумываетъ* и не *хочетъ* ити. ів.

Именины тогда *бяхуть*. с. 141.

Святославъ *не улюби*... *не могу* съ *половиною* ихъ *инритися*. с. 142.

Бъ бо нѣчто *изсерилося* ему на невѣ. с. 143.

Коли будеть святыхъ Маковѣй. ib.

Язъ переже всихъ дамъ есмь тобѣ волость сю; но же Всеволодъ насламъ на мя, жагуяся про тебе, ажъ есмь на немъ чести не положили преже; я же есмь тобѣ являлъ все рѣчи его, ты же ми еси ее отступилъ по волѣ, а намъ како любо ему было ю даяти. А намъ безъ Всеволода нельзя быти, положили есмь на немъ старѣйшинство вся братья во Володимерѣ племеню; а ты мѣтъ свой, а то ти волость нная, той ровна. с. 145.

Кланяяся ему и моляся и *покладывая* на собѣ всю вину свою. с. 146.

Цѣлуй съ нами крестъ, како ти ся съ нами не воевати, доколѣ со Всеволодомъ и съ *Давыдомъ* любо ся *уладимъ*, любо ся не *уладимъ*.

Сташа *отопташеся* въ снѣгу. с. 147.

Чему еси почалъ волость мою воевати, а поганымъ руцѣ *полнишь*. с. 148.

Володимеръ, *лхавъ* со Мстиславомъ. с. 149.

Ты же еси то лѣто и ту зиму *перевелъ*... а про кого ми была и рать про зятя своего. с. 150.

Довольно! Какія же это слова, обороты, формы — не Малороссійскія и не церковныя?

Это слова, обороты и формы — чисто Великороссійскія.

Такъ неужели въ Кіевѣ, при Олегѣ, Владимирѣ, Рюрикѣ Ростиславичѣ, жили Великороссіане?

Признаюсь — такое заключеніе сначала поразило меня, и я долго не могъ опомниться!

Но вѣдь нельзя отказаться отъ заключенія, если носылки вѣрны, а въ послылахъ я былъ убѣжденъ.

Истор. Чтен. (1886).

Я продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно впрочемъ ободряясь.

Дайте прочесть лѣтопись Несторову, Кіевскую и прочія, любому Великороссіянину, не знающему церковнаго нарѣчія: онъ пойметъ ихъ, говоря вообще, кромѣ того или другаго стараго слова, вышедшаго изъ употребленія, а Малороссійской страницы онъ не пойметъ, даже образованный. Слѣдовательно въ лѣтописяхъ, вѣрно, господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ. Такое заключеніе можно бы сдѣлать и а ргіогі, мимо приведеннаго словаря.

Дайте прочесть лѣтописи Малороссіянину, не знающему Великороссійскаго нарѣчія, онъ пойметъ ихъ только, поколику понимаетъ Великороссійское и церковное нарѣчія, а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія.

Новыя подтвержденія, что въ Кіевѣ жили до Татаръ не Малороссіяне, а Великороссіяне.

Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе :

Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсень о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять то же заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимира, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли.

Характеръ князей, послѣ того какъ норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, чѣмъ къ Малороссійскому, обнаружившемуся въ казачествѣ, или извѣстному нынѣ.

Тоже должно сказать и вообще о характерѣ военнаго древняго сословія и самой войны.

Еще: иныя Малороссыне съ Юрьемъ Долгорукиимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: казалось — они должны бы оказати свое Малороссійское вліаніе на что нибудь — въ обычаяхъ, въ языкѣ. Нѣтъ — мы не видимъ тогда никакой перемены на сѣверѣ. Следовательно пришли тогда не Малороссіяне, а тѣ же Великороссіяне!

Великороссійское племя жило въ Кіевѣ — эта мысль была первою добычею моихъ разсужденій. Возвращаясь къ первому мнѣнію своему объ языкѣ церковномъ и его отношеніи къ лѣтописателямъ, я долженъ былъ теперь выразити его такъ: Лѣтописатели, пишучи на чужомъ, жертвомъ нарѣчій, невольно проговарились по-Великороссійски, и обличили свое Великороссійское происхожденіе.

Одна удача ободрила на другую.

Да на что же предполагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? — сталъ разсуждать я дальше. Не слишкомъ ли это мудрено, неестественно?

Воображаю себѣ лѣтописателя-Нестора или другаго монаха, — какъ могло придти ему въ голову ломати себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть. Можно ли писать на чужомъ нарѣчій, не зная его? а знать его было нельзя. За всякой формою ему надо бы справляться! Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за насиліе должно было дѣлать себѣ! Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это? Если теперь, во всякомъ нашемъ сочиненіи на церковномъ языкѣ,

напримѣръ молитвахъ, сочиняемыхъ на новые случаи, просвѣчиваютъ наши русскіи, какими образомъ можно было убеждаться отъ нихъ въ древности, безъ нашихъ грамматическихъ и филологическихъ изслѣдованій и познаній. А въ глгописахъ, въ грамотахъ, вы замѣчаете естественность, правильность, живость *), а не мертвенность!

Слѣдовательно *глгописатели писали на своемъ живомъ языкѣ*, не съ голоса, а по натурѣ, — второе заключеніе, представившееся мнѣ на пути моихъ размышленій, заключеніе, котораго, съ перваго раза, нельзя не испугаться еще болѣе, чѣмъ перваго — о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами.

Смѣлѣе и смѣлѣе!

Языкъ глгописей, виѣсть и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ Великороссіяне.

Слѣдовательно церковный языкъ есть нашъ языкъ, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное.

А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, который не узналъ своей Итаки!

Я разсуждалъ, такъ сказать, движеніями мысли. Обратимся къ бытамъ, и представимъ опытъ ихъ объясненія при такомъ новомъ воззрѣніи на предметъ.

Прежде всего предлагаю задачу или вопросъ филологамъ: могутъ ли они вывести естественно настоящій нашъ языкъ, по законамъ правильнаго развитія, отъ языка глгописей и грамотъ, какъ напримѣръ производится новый Нѣмецкій языкъ

---

*) Обращаю вниманіе на длинныя выписки изъ Кіевской глгописи, со с. 42 и 143. См. выше.

отъ языка древняго Нѣмецкаго? Судя, хоть поверхностно, по нѣкоторымъ новымъ нашимъ изслѣдованіямъ, можно, кажется, утвердить это.

А нынѣшнее Сербское и Болгарское нарѣчія гораздо труднѣе произвести отъ церковнаго нарѣчія, чѣмъ наше Великороссійское. Наше настоящее Великороссійское нарѣчіе, которымъ мы пишемъ и говоримъ, гораздо ближе къ древнему церковному нарѣчію, языку Остромирова Евангелія, лѣтописей и грамотъ, чѣмъ Сербское, Болгарское и всякое другое, во всѣ извѣстные періоды ихъ развитія. О западныхъ нарѣчіяхъ, Польскомъ, Чешскомъ, и говорить печего.

Одно это замѣчаніе имѣетъ великую силу для подкрѣпленія моихъ заключеній.

Но какимъ же образомъ могло случиться, чтобъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же языкомъ, какой употреблялся гдѣ то около Солуни, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. Писаніе св. Кирилломъ и Меѳодіемъ?

А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представили собою въ историческое время растасованную колоду картъ.

Это мы знаемъ, въ этомъ мы увѣрены, и это мы положительно говоримъ *):

Словене жили на Ильменѣ и въ Словеніи, близъ Адриатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполнскихъ горахъ, въ Полабѣ, въ Штиріи и Иллиріи.

Древовичи между Припетью и Западною Двиной, въ Булгаріи, въ Германіи.

---

*) См. Изслѣдованія Т. II, с. 386, 387 и проч.

Дулэбы по Бугу и въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волыни и Полабѣ.

Съсрѣяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и Вислѣ и проч.

Племя, что мы называемъ теперь Великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи.

Положеніе историческое мы принимали безспорно—намъ слѣдуетъ теперь только распространить, такъ сказать, его, и придать ему смыслъ :

Если одно и тоже племя жило въ разныхъ мѣстахъ, то и говорило въ разныхъ мѣстахъ одинаково : Словене говорили сначала одинаково на Ильменѣ и на берегахъ Адриатическаго моря; Хорваты въ Галиціи и Иллиріи; Дулэбы по Бугу и въ Чехіи.

Великороссіане, (которыхъ мы теперь такъ называемъ), могли жить и говорить сначала одинаково около Солуни, въ Кіевѣ и нынѣшней Великороссіи.

Эта одна рѣчь по разнымъ мѣстамъ подверглася въ послѣдствіи разнымъ вліяніямъ.

Самъ церковный языкъ, заключенный такъ сказать въ формы, остановленный въ своемъ движеніи, носитъ теперь по мѣстамъ слѣды этихъ вліяній. Но не смотря на ихъ разность, все-таки единство языка, сходство въ переводѣ Евангелія по Острожирову списку, въ языкѣ лѣтописей и въ языкѣ живомъ настоящемъ Русскомъ, повторяю, гораздо виднѣе, нежели въ какихъ-нибудь другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ ны-

нѣшнемъ Болгарскомъ и церковномъ, нынѣшнемъ Сербскомъ и церковномъ и т. д.

Откуда же и когда пришли Малороссiяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной?

Они пришли послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, и заняли Кіевскую губернію, такъ, какъ потомки ихъ въ XVI столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску.

А можетъ быть и прежде Великороссiянами обитаемъ былъ только Кіевъ съ окрестностями, то есть Великороссiянами были только Поляне, которые такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ даже по словамъ самого Нестора: «Поляне бо своимъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху; брачныи обычаи имѣху: не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче». Галиція, Вольшынь, Подоля, могли быть заселены искони Малороссiйскими племенами, среди которыхъ жило Великороссiйское на извѣстномъ пространствѣ. *)

Изслѣдуйте собственныя имена около Кіева, на Вольшыни, въ Подоліи, Галичѣ, и по собственнымъ именамъ можетъ быть можно будетъ прослѣдить расселеніе древняго Великороссiйскаго племени въ нынѣшней Малороссiи, предѣлы занятаго ими пространства. При географическихъ мнѣхъ изслѣдованіяхъ**), я былъ пораженъ характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, вовсе не Малороссiйскимъ.

---

*) Любопытно было бы имѣть свѣдѣнія о Польскихъ Полянахъ.

**) См. Т. IV, с. 148 и проч.

Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ къ стыду своему мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій.

Изслѣдованіе этого нарѣчія необходимо: покажите намъ степени его родства со всѣми прочими такъ называемыми восточными и западными Славянскими нарѣчіями.

Покажите или, лучше, отыщите присутствіе въ немъ восточнаго элемента, то-есть слѣды вліянія Торковъ, Печенѣговъ, Черныхъ Клобуковъ. Изслѣдуйте особенности Малороссійскаго нарѣчія. Такія изслѣдованія прольютъ свѣтъ и на происхожденіе козаковъ.

—

Куда же дѣлись Кіевскіе Великороссіяне?

Послѣ Татаръ они отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ, вмѣстѣ съ князьями. Не даромъ же Несторъ, описывая расселеніе племенъ по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію почти пусто *). Туда пришли Великороссіяне съ юга, какъ послѣ съ юга же начали наступать и Малороссіяне, къ Курску, Харькову, Воронежу.

—

Не странная ли судьба, замѣчу мимоходомъ, что назвалась таки Великою Россіей собственная сѣверная сторона, куда ушло, или гдѣ размножилось собственно Великороссійское племя.

—

А какъ объяснить то, что лѣтописи послѣ Татаръ писались прежнимъ языкомъ, и Малороссійскаго элемента все-таки

---

*) См. т. IV, с. 336.

въ нихъ не оказывается, хотя Малороссiяне заняли напримѣръ Галичь и Волинь (если не жили тамъ искони), хотя поселились въ послѣдствiи безъ сомнѣнiя въ Днѣпровской области.

На это отвѣчу я вотъ что: Лѣтопись, которая можетъ навести на это сомнѣнiе, есть одна, Волинская, и только до конца XIII столѣтiя. Можетъ быть, Малороссiяне тогда еще не достаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссiйскiе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословiи. Пришли же туда еще поздѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедиминомъ, и ввели въ письменное употребленiе свой языкъ, ведшiйся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссiяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ и даже хотъ до Петра I. Какъ Бѣлорусское нарѣчiе употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссiянахъ, могло вестися тамъ между грамотѣями еще въ XIII столѣтiи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волинской лѣтописи (подъ г. 1205): бѣ Тимошей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отчество* *) *имья въ градѣ Киевѣ.*

---

*) Появлюся кстати: когда-то, я гдѣ-то, лѣтъ 15 кажется назадъ, я говорилъ, что слово отчество въ нынѣшнемъ словѣ есть новое. Приведенный примѣръ доказываетъ противное.

Слово *отчество* и равносильное съ нимъ *отчествию* попадаются довольно часто въ древнихъ памятникахъ въ двухъ смыслахъ: 1) вмѣсто Греч. πατήρ; напр. да приметъ каждо. ѡча на домъ въ ѡчество свое (Исх. XIII, 3); възмѣте начало всего сов'ма... по домоу ѡчества ихъ (Числ. II, 2.); носифъ бѣаше отъ домоу и отъ отчествiа Дѣдова (Лук. II, 4); 2) вмѣсто Греч. πατρίς; напр. Халдѣйскы земля ѡчества ихъ (Иезек. XXIII, 13); аи которы же пророкъ приагъ ѡсть въ отчествiа своимъ (Лук. IV, 24). Примѣры взяты изъ Уваров. списка Библии

Истор. Чтен. (1856)

Прицѣпясь къ послѣднему замѣчанію, могутъ возразить мнѣ:

Малороссійское нарѣчіе, говорите вы, не обнаруживалось на письмѣ при Бѣлорусцахъ, хотя Малороссіяне жили тогда уже безспорно: точно также могло оно не обнаруживаться и прежде, до Татаръ, а Малороссіяне все-таки жили.

Нѣтъ, это возраженіе неосновательное. Малороссійскаго послѣ Татаръ не обнаруживалось потому, что писали Бѣлорусцы, и писали на своемъ нарѣчьи, а не Малороссіяне; а въ первомъ періодѣ надо вѣдь въ смыслѣ возраженія предполагать Малороссіявъ писавшихъ.

Конечно, здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго; — предоставимъ объясненіе времени, а теперь удовольствуемся положеніями, для меня, достовѣрными.

Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ.

Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ.

Великороссійское нарѣчіе есть или само церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть родное, органическое развитіе.

Формы письменнаго языка часто костенѣютъ, между тѣмъ какъ народная рѣчь течетъ своимъ потокомъ. Она врывается по временамъ въ письменный языкъ, который между тѣмъ и самъ, подъ перомъ писателей, подвергается своимъ измѣненіямъ. Сравните настоящую Великорусскую рѣчь съ письменнымъ и литературнымъ языкомъ; сравните языкъ Петровскій, Ломоносовскій, Карамзинскій, нынѣшній; сколько

XV вѣка и изъ Остромирова Евангелія. Вотъ еще изъ Анад. Стихираря XII вѣка изъ стихеръ Борису и Глѣбу: «непреставта молашаса. христоу. вѣчно съхранити правовѣрноую вѣроу. не врѣдвоу. въ отъчѣствии ваю; б) не преставта молашаса за отъчѣство ваю. Ред.

измѣненій на нашемъ вѣку и на письмѣ и въ устахъ! Еще больше должны мы предполагать ихъ въ древности, какъ было болѣе простора мысли, и въ языкѣ было болѣе жизненной силы.

На этомъ основаніи можетъ быть легче понять органическую связь между языкомъ Св. Кирилла въ Солуни, вариантомъ его на Черномъ морѣ *) или Дѣспрѣ, въ IX вѣкѣ, языкомъ Нестора и Кіевской лѣтописи въ XI и XII в., языкомъ лѣтописей Московскаго періода, языкомъ Петровскимъ, Ломоносовскимъ, Карамзинскимъ и нынѣшнимъ.

III.

Обращаюсь къ старымъ мнѣніямъ, и по тщательномъ, внимательномъ ихъ разложеніи, что же нахожу въ нихъ?

Зародыши, залюги, намеки на эту истину, нами теперь сознанную; слѣды ея вездѣ, не смотря на невѣрности, излишки, ошибки.

---

*) Св. Кириллъ, приставъ къ берегамъ Чернаго моря, напелъ тамъ Евангеліе, переведенное по-Русски! Не осталось ли оно у насъ замѣтимъ истати, гдѣ выбудъ? Не найдемъ ли мы его въ какомъ выбудъ изъ тысячи нашихъ списковъ, столько разнообразныхъ, когда мы всмотримся въ нихъ по пристальнѣе? Я встрѣчалъ удивительные варианты, (особенно въ Апостолѣ), и сожалѣю, что ихъ не записывалъ. Укажу теперь на важнѣйшій вариантъ въ Евангеліи Іоанновомъ: «въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ въ Богѣ», который по мнѣнію одного знатока указывалъ на древнѣйшее чтеніе Греческаго подлинника, давно не существующее. II.—Вариантовъ въ древнихъ спискахъ книгъ Новаго Завѣта довольно много,—и почти всѣ они важны для исторіи перевода. Трудъ сопоставленія ихъ (въ формѣ словаря, кажется, всего болѣе удобный) должно мнѣ кажется считать необходимымъ и для объясненія многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи нашей Русской словесности древней. Замѣчательно важна указанія уже сдѣланы въ «Описаніи рукописей Синодальной Библиотеки». Редакт.

Какое же заключеніе?

Мысли живутъ: онѣ зараждаются, зрѣютъ, даютъ плодъ, очищаются и умираютъ. Снисходительность, терпимость — должны быть непремѣнными правилами изслѣдователя. Мысль у иного кажется мнѣ нелѣпостью: не сердись, не негодуй — въ этой нелѣпости есть зародышъ, которому суждено возрасти и развиться при нашихъ внукахъ; эта нелѣпость дастъ поводъ къ отысканію истины. Это мимоходомъ.

Отъ отвлеченностей перейдемъ опять къ положительности.

Переберемъ мнѣнія, постараюсь найти въ нихъ генеалогію, какъ Максимовичъ въ системахъ растительнаго царства.

Старое мнѣніе: Церковный языкъ есть нарѣчіе древнее, неизвѣстное (одни говорили — Сербское, другіе — Болгарское, Добровскій — Сербо-Булгаро-Македонское).

Это нарѣчіе есть прародитель всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, то есть отъ него произошли всѣ настоящія Славянскія нарѣчія: нашъ Русскій языкъ, Сербскій, Болгарскій, Польскій, Чешскій, и проч.

(Такъ мы молоды въ ученомъ дѣлѣ, и такъ у насъ все еще дѣлается легко и поверхностно, что я не могу указать положительно на писателя, у кого это мнѣніе формулировано, а оно было общее).

Въ III томѣ Изслѣдованій я опровергалъ это мнѣніе, рассуждая такъ: — Отъ Церковнаго языка произошелъ нашъ Русскій письменный языкъ. А Малороссійскій? Когда же это случилось, и какія были условія такихъ различныхъ происхожденій? Исторія не помнитъ ихъ. Почему здѣсь произошло одно нарѣчіе, а тамъ другое, третье? Нѣтъ, этого не можетъ

быть: нарѣчія эти всѣ ровесники, и существовали современно. Церковное можетъ быть старшее, но въ IX столѣтіи Велико-россійское и Малороссійское уже образовались. Церковное мертвое, введенное случайно, употреблено у насъ на письмѣ, вмѣстѣ съ принесенными переводами, подобно Латыни, а Великорусское и Малорусское употреблялось въ устной рѣчи.

Въ XII столѣтіи южные князья переселились на сѣверъ — однако никакого Малороссійскаго вліянія на сѣверѣ ни въ чемъ они не оказали; слѣдовательно, заключая и, Малороссіяне не переселялись съ ними, а оставались на своихъ мѣстахъ, а на сѣверѣ жили тогда уже Великороссіяне.

Въ послѣдствіи я повелъ свое разсужденіе, какъ видѣли читатели, слѣдующимъ образомъ, изъ чего и составилось представленное мнѣніе: если Малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ.

Если слѣдовъ нѣтъ, то должно заключить, что не Малороссіяне жили тамъ, гдѣ писаны лѣтописи.

А есть другіе слѣды. Какіе? Великороссійскіе.

Слѣдовательно жили Великороссіяне. И это былъ ихъ языкъ живой; не можетъ быть, чтобъ лѣтописатели вздумали ломать себѣ языкъ, и успѣли такъ счастливо; слѣдовательно церковный есть языкъ нашъ, слѣдовательно Русскій языкъ точно происходитъ отъ церковнаго, или лучше это есть одинъ и тотъ же языкъ, переходящій свои степени, и правильно въ продолженіи тысячи лѣтъ развивающійся.

А прочія нарѣчія не происходятъ отъ него, но имѣютъ свое собственное происхожденіе, свою собственную судьбу, отъ того неизвѣстнаго корня, который скрывается въ глубинѣ

вѣковъ, и до котораго, кажется, добираются, или скоро доберутся, нѣкоторые изъ молодыхъ нашихъ филологовъ.

Слѣдовательно въ старомъ мнѣніи, сравнительно съ настоящимъ, вотъ что было справедливо:

Языкъ Русскій точно происходитъ отъ церковнаго.

А несправедливо вотъ что: языкъ Русскій происходитъ отъ церковнаго, но не какъ сынъ отъ отца, новый отъ стараго, и живой отъ мертваго; это не два языка, церковный и Русскій, это *одинъ и тотъ же языкъ* живущій, растушій, развивающійся, одинъ и тотъ же человекъ — младенецъ, юноша, мужъ, старецъ, т. е. умножающійся годами.

Прочія же нарѣчія не отъ церковнаго произошли, а вмѣстѣ съ нимъ въ одно время происходили, развивались изъ тѣхъ звуковъ, кои принесены были праотцами Славянъ изъ Индіи, и по мѣстамъ сдѣлались родоначальниками разныхъ Славянскихъ нарѣчій. Церковное нарѣчіе (Великороссійское тожъ) имѣло на нихъ переводомъ священныхъ книгъ свое вліяніе, отъ котораго они теперь начинаютъ отчасти освобождаться, то есть писать съ живой рѣчи, а не съ церковнаго голоса, какъ поступали до сихъ поръ, на примѣръ, Сербы.

Въ моемъ мнѣніи вотъ что было справедливо: Въ эпоху перевода Священнаго Писанія племена Малороссійское, Великороссійское, Церковное, т. е. то, на чей языкъ переведены были книги, жили, каждое своею жизнію, какъ Чешское, Польское, Сербское, жили и говорили своими языками.

А вотъ что несправедливаго, или лучше темнаго, неопредѣленнаго, что теперь дополняется и уясняется: Великорос-

сійское и церковное не суть два нарѣчія, какъ тогда я полагалъ, а есть одно и то же нарѣчіе, по мѣстамъ (въ Селуги и на Дятпрѣ) имѣвшее нѣкоторыя легкія отличія, подобныя нынѣшнему Малороссійскому Полтавскому и Малороссійскому Галицкому. Нынѣшнее письменное Великороссійское нарѣчіе есть тотъ же церковный языкъ, въ устахъ народа подвергшійся измѣненіямъ и достигшій трудами писателей настоящаго совершенства, а не особое нарѣчіе.

Выражу главную мысль еще короче. Прежде говорили: Церковный языкъ корень; отъ него происходятъ всѣ нарѣчія.

Я говорилъ: Церковный языкъ и прочія Славянскія нарѣчія братья — ровесники и происходятъ всѣ отъ одного неизвѣстнаго корня, принесеннаго изъ Индіи.

Нынѣ соединяю церковный языкъ съ Русскимъ языкомъ, оставляя тоже происхождение.

Форма церковнаго языка, нѣкогда живая, измѣняясь послѣдовательно въ устахъ народныхъ, образовываетъ собою языкъ лѣтописей, грамотъ, и наконецъ нашъ нынѣшній письменный и изустный языкъ.

Г. Срезневскій разсужденіемъ своимъ обратившій было меня въ 1852 году къ обработкѣ настоящаго моего разсужденія, справедливо утверждалъ тожество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ и вмѣстѣ отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскихъ.

Вотъ собственныя слова его и ученика его г. Лавровскаго:

Г. Срезневскій, Мысли объ Исторіи Русскаго языка: «Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи (лѣтописи, Русская Правда, грамоты, Слово о

полю Игоревъ и проч.), отличался отъ книжнаго, то онъ *не могъ бы не показать себя хоть кое гдѣ своими особенностями* — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народныя языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ.» с. 96.

Это для меня весьма важно въ устахъ профессора Славянскихъ нарѣчій, подтверждая вполне мои разсужденія.

Г. Лавровскій объ языкѣ сѣверныхъ лѣтописей: с. 6. «Развѣ тотъ же самый Несторъ не обнаружилъ бы *хоть однажды и хоть одною признака* нарѣчія Малорусскаго, подобно лѣтописцамъ Новгородскимъ, которые никакъ не могли удержаться, чтобъ въ XIII—XIV столѣтїи, вмѣстѣ съ чертами языка обще Русскаго древняго не включить особенностей своего говора мѣстнаго.»

А вотъ что невѣрно, и что силыще моего опровергнется безъ сомнѣнїя г. Максимовичемъ, котораго задереть оно за живое, — будто до Татарскаго времени совершенно не существовало ни Малороссїянъ, ни Малороссїйскаго нарѣчія:

Лавр. с. 5. «Одинаковость Славянскаго происхожденія, однообразіе родоваго быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ Славянъ въ то отдаленное время, *не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югъ и сѣверъ.*

С. 7. «Разнообразїя въ строѣ языка, его фонетикъ и формахъ грамматическихъ, разнообразїя, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго государства *видѣть въ языкѣ Русскомъ два нарѣчїя не было*, и по тогдашнему положенію Славянъ Русскихъ *быть не могло.*»

С. 11. «Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута Сѣверомъ... При такомъ положеніи дѣль могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе.»

С. 19. «Давнія но неспокойныя черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — Великорусское и Малорусское... не восходятъ выше XIII—XIV столѣтія» *).

Г. Срезневскій и за нимъ Лавровскій, не видятъ ничего Малороссійскаго въ лѣтописяхъ, изъ чего и заключаютъ, что Малороссійскаго совѣтъ еще не существовало.

Нѣтъ, Малороссійское существовало, въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые по тому и оставили свои слѣды, а не Малороссійскіе.

Къ сказанному прежде еще возражаю: Малороссійское нарѣчіе составилось, говорите вы, вновь, но народъ-то Малороссійской, характеръ его совершенно отличный отъ прочихъ Славянскихъ племенъ, неужели и народъ Малороссійскій и характеръ его образовался, обособился только послѣ Татаръ? Не можетъ быть: онъ носитъ всѣ признаки самобытнаго племени.

Кто же жилъ, напримѣръ, въ Галичѣ въ XIII вѣкѣ, если Малороссіяне тогда только рождались?

Малороссіяне жили въ Карпатахъ какъ въ своей колыбели, въ Галичѣ, представляющемъ совѣтъ другой характеръ; жили вѣроятно и на Волинн, гдѣ опять другой характеръ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, во время Курбскаго, а характеръ

*) У Срезневскаго И. Р. Я. с. 95—96. См. выше.

Истор. Учен. (1856)

времени Курбскаго тотъ же съ характеромъ Галицкихъ бояръ до Татаръ.

Далеко ли кругомъ около Днѣпра жили Малороссіяне, покажетъ, повторяю географія.

Далѣе на югъ жили Торки, Берендѣи, остатки Печенѣговъ и всѣ Черныя Клобуки.

Къ этимъ Торкамъ и проч. перешли, можетъ быть, скажемъ здѣсь вкратцѣ, Малороссіяне съ Воляни (а среднее Великороссійское пространство опустошено Татарами), равно какъ и остатки всего военного сословія Русскаго, и составили тамъ новое племя казацкое.

Теперь естественно я вспомнилъ о г. Сенковскомъ, противъ котораго вооружался въ 1843 году, по поводу замѣчаній на Исторію Малороссіи, Маркевича.

Въ его мысли брезжило понятіе о новости Малороссіянъ въ Малороссіи, происшедшее впрочемъ отъ нерасположенія къ казачеству. П. А. К. напечаталъ сильную филиппику въ Москвитянинѣ^{*)}, къ коей приложилъ я тогда слѣдующее примѣчаніе, повторяемое мною здѣсь, потому что оно дополняетъ нѣсколько разсужденіе о нашемъ вопросѣ^{**}):

«Библіотека говоритъ, что Малороссіяне произошли отъ бѣглецовъ Литовскихъ.

А отъ кого же произошли, спрошу я его, жители Галицкаго княжества, которые во время Владимира Святаго, передъ Монголами и послѣ Монголовъ, наконецъ и въ наше

^{*)} Москвитянинъ, 1843, № 5.

^{**}) Москвитянинъ, 1843, № 6, с. 334.

время, живутъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, и говорятъ однимъ языкомъ; жители Галицкаго княжества, которые до Литовцевъ были слишкомъ хорошо извѣстны Исторіи, которые во времена Даниловы властвовали надъ Литовцами, которыми Воишелгъ предоставлялъ по завѣщанію свою Литву? Слѣдовательно и они бѣглецы Литовскіе? Они вѣдь одни и тѣже люди съ нынѣшними Малороссіянами Чернигова, Полтавы, Переяславля? Неужели Библіотека не видитъ, что она съ своимъ утвержденіемъ доходитъ до исторической безсмыслицы, не простительной даже г. Полевому, не только ея учености. Я говорилъ о Галиціи; но сѣверо-восточная Венгрія по Карпатамъ населена тѣми же Русинами: и они бѣглецы Литовскіе? А если они не бѣглецы, то и прочіе Малороссіяне также. Мнѣ кажется, довольно и этихъ двухъ словъ для показанія нелѣпости старыхъ бредней о Малороссіи, кои господствовали между Польскими историками.»

—

Перечитывая все относящееся къ моему предмету, я нашелъ слѣдующія весьма важныя для меня строки у г. *Каткова* въ его разсужденіи: Объ элементахъ Русскаго языка:

«Въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской письменности до-Московскаго періода встрѣчаемыя формы исконнаго быта языка, (и между ними форма двойственного числа), почему непременно должны быть относимы ко вліянію Церковнаго нарѣчія? И Церковное и Русское нарѣчіе суть видоизмѣненія одного и того же языка. Правда, нарѣчіе Церковныхъ книгъ представляетъ намъ формы Славянскаго языка болшею частью въ полнѣйшемъ и древнѣйшемъ видѣ, нежели прочія нарѣчія; однако причина этого преимущества состоитъ

только въ томъ, что церковные памятники языка суть древнѣйшіе памятники.

У насъ еще доселѣ не найдено шрифта для различенія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго. Последнее такъ сопримкнулось съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту. Большею частію, говоря объ Русскомъ языкѣ, видѣютъ въ виду только либо языкъ Московскаго государства, либо нынѣшнюю Русскую рѣчь. Не забудемъ, что Русскій языкъ сложился изъ многихъ коренныхъ Славянскихъ стихій, даже доселѣ не совсѣмъ угасшихъ, и даже доселѣ не совсѣмъ извѣстныхъ, а частію и вовсе неизвѣстныхъ. Почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи, сѣи разнообразныя, богатые памятники нашей письменности, почему непременно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать, что эти памятники писались по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, но Русскому же? Я такъ думаю, что не только лѣтописи, или Русская Правда или Слово о Полку Игоревѣ, или Вопросы Кирика и пр.; но и тотъ проповѣдникъ Туровской катедры въ своихъ столь же глубокихъ, сколь простодушныхъ словахъ, исполненныхъ живаго сочувствія съ настоящимъ, всенародне говоренныхъ, и часто какъ рѣченіями, такъ даже и формами напоминающихъ свое мѣсторожденіе, сторону Руси югозападную, что Кирилль Туровскій входитъ не только въ исторію Русской словесности, но по многому и въ исторію Русскаго языка).

---

*) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. М. Каткова, 1835, с. 215 и проч.

Эти строки для меня весьма важны. Г. Катковъ представилъ свое исследование, чисто филологическое, объ элементахъ и формахъ, по строгимъ законамъ новой филологіи. Слѣдя языкъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, какое я сдѣлалъ почти а priori; тожество ихъ доставляетъ мнѣ сильное подтвержденіе.

Г. Кубаревъ подкрѣпляетъ меня совсѣмъ съ другой стороны, какъ вы думаете, съ какой? Съ ореографіи. Въ своемъ разсужденіи о Патерикѣ Печерскомъ *) онъ указываетъ на многіе признаки Великороссійскаго произношенія въ древнихъ нашихъ рукописяхъ.

Выпишу еще нѣсколько словъ изъ разсужденія профессора *Григоровича*, кои показываютъ также движеніе мыслей около нашихъ положеній: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Славянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Славянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала — древне-Славянской и древній Русскій, и едва ли не будетъ справедливымъ признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Славянскаго языка, *постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ* **).» Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности». Въ исторіи нашего просвѣщенія — говорить

*) Чтенія Общества И. и Д. Р. 1847.

**) Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, т. I, 1838. с. 247. См. тоже въ Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка (1850) стр. 31—32: *изъ памятниковъ XIII—XIV вѣка увидимъ, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ слѣдствіе этого языкъ получалъ новый видъ.»*

онъ — не столько важенъ вопросъ о вліаніи Церковно Славянскаго языка на Русскій, сколько обратно вліаніе Русскаго на Церковно-Славянскій. Внесенный видѣтъ съ св. книгами онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что разнитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племень, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи».

Вотъ еще одно любопытное замѣчаніе изъ статьи Г. Сухомлинова: *Тождество* языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій языкъ »).

Соображая теперь всѣ сіи отдѣльныя замѣчанія, въ разные времена, по разнымъ поводамъ, разными лицами, сдѣланныя, я убѣждаюсь въ моихъ заключеніяхъ болѣе и болѣе, и приглашаю филологовъ стать на мою точку, и разсудить безпристрастно объ этомъ дѣлѣ по законамъ ихъ науки.

Съ самаго начала я счелъ свои мысли фантастическими, и предложилъ ихъ такъ Шафарыку, кажется, еще въ 1840 г. Онъ одобрялъ ихъ, и я напечаталъ тогда отзывъ изъ его письма, но теперь не найду гдѣ.

Узнавъ о занятіяхъ В. И. Даля, я послалъ ему свое замѣчаніе о нарѣчій Великороссійскомъ, и онъ напечаталъ его

---

*) Учен. Зап. Втор. Отд. Ак. I. с. 249.

въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ нарѣчіяхъ, въ Трудяхъ нашего Географическаго Общества, въ 5 книгѣ Вѣстника на 1852 годъ, см. с. 16.

Не могу не прибавить въ заключеніе: Великороссійское нарѣчіе заключаетъ столько свойствъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, по свидѣтельству многихъ нашихъ филологовъ, что по всей справедливости считается ихъ представителемъ; удивительную судьбу предназначилъ ему Богъ, вложивъ въ уста того племени, которому суждено первое мѣсто между всѣми Славянскими, между всѣми племенами въ мірѣ Славянскомъ, и можетъ быть Европейскомъ!

Многіе Славяне, разсуждая о необходимости избрать въ наше время одно общее Славянское нарѣчіе для основанія, облегченія и укрѣпленія взаимности между Славянами, для обезпеченія ихъ успѣховъ и возбужденія способностей, рѣшаются писать на Церковномъ Славянскомъ языкѣ. Причиною такого выбора поставляютъ они то, чтобъ не обидѣть ни одно племя и не возбудить ни въ комъ зависти — въ Полякахъ, Сербяхъ, Чехахъ и проч. То есть, они берутъ языкъ IX вѣка, языкъ остановившійся, и хотятъ заднимъ числомъ говорить имъ, писать на немъ, воротиться, такъ сказать, къ нему назадъ, — но онъ вѣдъ жилъ, шель, развивался, богатѣлъ — такъ возьмите его себѣ не изъ могилы, а изъ жизни, возьмите жизнь, а не смерть, то есть *пишите по Руси!*

Русскій языкъ долженъ въ свою очередь обогатиться всѣми нарѣчіями, а онъ и теперь уже первый языкъ въ Европѣ! Что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань съ живой рѣчи, которая раздается на пространствѣ 15 тысячъ верстъ въ длину и 10 тысячъ въ ширину, безпрестанно богатѣетъ

еще въ устахъ народа, творится, — что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань и со всѣхъ Славянскихъ живыхъ нарѣчій, со всѣхъ ихъ литературъ древнихъ и новыхъ? Это.—чудное явленіе, такое же чудное, какъ Русская исторія, какъ Русская пѣсня, какъ Русское право, какъ вся Россія....
